

ЖАЖДА РЕШИТЬ ЗАГАДКУ: СЛЕДОВАТЕЛИ-КРИМИНАЛИСТЫ О САМЫХ ГРОМКИХ ДЕЛАХ ПОСЛЕДНИХ 10 ЛЕТ

В этом году 15 января Следственный комитет России празднует 10-летний юбилей. Корреспондент 12 канала пообщался со следователями-криминалистами и расспросил их об особенностях профессии.

Современные зарубежные детективы показывают работу сыщиков интригующе, красочно и своеобразно. Меньше чем за две минуты осмотра тела погибшей знаменитый британский сыщик в популярном телесериале определяет цвет невидимого им чемодана и пароль электронной почты убитой с доступом к GPS-навигации телефона. Смартфон покойная, как он быстро догадывается, незадолго до гибели оставляет в машине убийцы.

— Она немка. *Rache* по-немецки «мечь». Она пыталась что-то сообщить...

— Жертве за 30. Замужем, брак несчастливый. Её обручальное кольцо полировалось только при снятии. Работа у неё не физическая — посмотрите на руки. Тогда зачем она снимала кольцо? Любовник. Её пальто влажное — она попала под дождь часа два назад. В это время в Лондоне дождя не было. Он был в Кардиффе. По размеру чемодана понятно её намерение остаться всего на одну ночь. И нужно узнать, кто такая Рейчел (*Rache*). Пока всё очевидно!

Именно этот монолог представляет молодому поколению современную версию образа знаменитого детектива-консультанта Шерлока Холмса во всей его красе. И если в Англии Шерлок Холмс — детектив, в нашей стране он непременно был бы следователем-криминалистом. Правда, помимо применения метода дедукции, для раскрытия преступлений эти специалисты собирают следы и улики — снимают отпечатки на месте преступления, фиксируют следы взлома при осмотре места ЧП и в итоге, бывает, раскрывают запутанное убийство по... найденному в кустах горлышку разбитой бутылки.

— Это дело было вообще глухим. Не двигалось. Выезжали и следователь, и полицейские, и сотрудники других органов, но никто не обращал внимания. Был труп. А в радиусе 100 метров от него — ещё один труп. А на расстоянии ещё 200 метров — третий. Как по грибы сходить! Трое мужчин, разные причины гибели, между собой они не знакомы, не связаны. Первый — утопленник, второй — забит до смерти, у третьего — ножевые ранения, — начинает рассказ следователь-криминалист отдела криминалистики Следственного управления Следственного комитета РФ по Омской области **Николай Паршаков**.

Эта цепочка трупов в прошлом году потрясла весь Ленинский округ. Как потом оказалось, ответственность за появление двух из трёх тел несут работяги, зарабатывающие на жизнь перекрытием крыш. В тот день приятели напились и перепутали маршрутки. Сели не в тот микроавтобус и уехали не в свой район — вышли на ул. Карбышева. Окончательно заблудились, забрели в логово местных обитателей без определённого места жительства. И устроили там резню.

— Всё зашло в тупик, и тогда мы выехали на место. У одного было четыре ножевых, а у второго на голове — рвано-ушибленная рана. Орудие убийства в первом случае — нож, во втором — цилиндрической формы предмет. Никаких труб поблизости не было. Но на земле повсюду была куча битого стекла. И присмотревшись, нашли среди старых грязных осколков негрязный. Расширили радиус поисков, и в стороне нашли из того же стекла горлышко бутылки из-под водки «Серебро». А на нём — пятно крови. Изъяли, выделили ДНК — в ходе проверки совпало в базе с одним из ранее судимых. Потом выяснили, что их было двое, а забили они несчастного как раз этой самой бутылкой, — объясняет следователь-криминалист **Илья Лесовский**.

Как утверждают криминалисты, обычный следователь «пришёл, посмотрел, описал». От них же требуется куда более масштабная и скрупулёзная работа. Их задача — оперативно прибыть на место происшествия, зафиксировать и грамотно изъять улики, собрать все вещественные доказательства.

— В полиции есть экспертные подразделения. У них выезжает опер, следователь и эксперт с унифицированным криминалистическим чемоданчиком. Так вот следователь-криминалист — это всё в одном лице. Мы проводим отдельные следственные действия, допросы. Назначаем экспертизы, осмотры. Любой следователь может изъять улики, но для следателя-криминалиста это особая процедура. У нас сказывается большой опыт. Можно взять биологический след и случайно смешать его со своим. Можно неправильно изъять, — рассуждает **Лесовский**.

— Например, тряпку со следами крови в обычный полиэтиленовый пакет класть нельзя — она загниёт из-за отсутствия кислорода, и тогда улика будет потеряна. У нас нет права на ошибку. Старт и в значительной степени исход уголовного дела зависят от достоверности доказательств, которые собираются на начальном этапе. Поэтому мы должны качественно провести первоначальные неотложные следственные действия, проверочные мероприятия, — поддерживает коллегу **Паршаков**.

Следователи-криминалисты вступают в игру, когда улицу, район, округ, город или регион потрясает резонансное преступление или следствие заходит в тупик. Они раскрывают тяжкие, особо тяжкие и запутанные дела не только нынешних, но и давно минувших дней. В работе применяют специальную криминалистическую технику и подчиняют себе стихии земли, воды, огня и воздуха, проводя самые различные экспертизы. По следу, оставленному пулей, определяют оружие убийства, по отпечаткам шин на земле — марку автомобиля, а по почерку — телосложение писавшего.

Эти «Бэтмены» могут выехать на преступление даже ночью. Их вызывают, когда затягивать больше нельзя. А приехав, следователи-криминалисты становятся мозговым центром процесса и берут руководство расследованием на себя. Благодаря одному только изъятому волосу они выясняют пол, возраст и группу крови участника происшествия.

Или, например, по окурку, закатившемуся под уличное мусорное ведро, определяют ДНК и раскрывают насильника, примерно [лет 10 назад напавшего](#) на двух омских женщин — судебного пристава, примерного семьянина и отца двоих детей.

А по тщательно спланированной операции и длительному наблюдению за жизнью одного омского бизнесмена в нужный момент выкрикивают его настоящее имя и тот, [обернувшись, с головой выдаёт себя](#), доказывая тем самым свою причастность к убийству, совершённого

почти 20 лет назад.

Они внесли значительный вклад в раскрытие одного из самых страшных дел этого десятилетия и вычислили Максима Калинина, [изнасиловавшего и убившего двоих детей](#) — сына-первоклассника Колю Кукина и 9-летнюю дочь знакомых Полину Назарову.

— *Быть следователем-криминалистом — очень нервно?* — спрашивает журналист.

— *Нервно? В FIFA играть нервно! А у нас работа нормальная!* — смеётся **Николай Паршаков**.

Статистику раскрываемости преступлений прошлого года повысили в том числе и криминалисты. Их проницательность помогла разобраться в обстоятельствах сразу двух резонансных убийств: 87-летней пенсионерки и 52-летней жительницы села Лузино в Омском районе, которую на протяжении 12 месяцев считали пропавшей без вести. Первую нашли убитой в собственном доме. Из квартиры неизвестный «Раскольников» украл ни много, ни мало 100 тысяч рублей. Старушку обнаружили [забитой до смерти](#) с открытой черепно-мозговой травмой. А её убийцу вычислили по... гигиенической прокладке.

— *Мы обнаружили средство гигиены, а в мусорке — липучку от неё. Было понятно, что это оставил кто-то из местных жильцов. В квартире покойной мы обнаружили потожировые выделения, оставленные неизвестной женщиной. Собрали образцы буккального эпителия всех женщин, проживающих в доме, и всех родственников и знакомых потерпевшей. Проверили и ДНК с этой найденной прокладки. Генотип совпал с генотипом из квартиры, который мы изъяли. Проверка показала совпадение с женщиной, которая была соседкой покойной. Правда, это был не чисто её генотип, а её родственницы. И мы выяснили, что в гости к ней заходила дочка-студентка,* — делится **Николай Паршаков**. Лузинское дело по канонам «Исчезнувшей» Дэвида Финчера криминалисты тоже раскрыли довольно быстро. Заметить массу несостыковок и ложь сожителя пропавшей без вести им помогло выработанное за долгие годы службы профессиональное чутьё.

— *Мы натурально [перекопали лес экскаваторами](#) — искали кости женщины, которые остались после того, как сожитель её зарезал и расчленил. Дело на год «подвисло», а осенью мы к процессу присоединились — и пошло, как по маслу! При нашем допросе раскололась и его родная сестра — сказала, что труп нашей пропавшей ещё прошлой осенью видела. И даже он сам! Мы его спрашиваем: «Ты как до этого догадался-то?» А он нам: «Так у меня уже был такой опыт. Я 20 лет назад отца также убил и здесь схоронил». Он психологически сломался. Не выдержал большие напряжения, давления от процесса следствия. Пытался от нас скрыть улики, трижды менял место захоронения её костей. В итоге просто выбросил её рёбра на свалку. Но мы их, конечно, тоже нашли. Я после той поездки в лес, кстати, даже заболел,* — рассказывает **Илья Лесовский**.

— *Думали, что корона, но обошлось!* — поддерживает **Николай Паршаков**. Отличились следователи-криминалисты и при [поймке левобережного маньяка](#). Тот поначалу отказывался признавать, что приложил руку к гибели первой жертвы, однако при обыске его квартиры криминалисты нашли часть цепочки убитой — украшение преступник готовился сдать в ломбард. Так его и раскусили.

— *Вот тогда очень интересно было! Тогда так странно получилось, что в обоих преступлениях был вторник, и жертва ехала на 8 этаж! Такие вот случились совпадения, а уже среди коллег пошли версии, что и вправду маньяк завёлся какой-то, фильмов насмотрелся, и теперь тётенок режет,* — вспоминает **Паршаков**.

— *Когда его поймали, он вину по первому нападению не признавал. В два часа ночи проводим обыск в ломбарде и находим часть цепочки первой жертвы. А в его жилище находим вторую её часть! И когда у нас появились такие доказательства, уже смысла не было отрицать,* — рассказывает **Илья Лесовский**. — *Но каких трудов нам это стоило! Работников ломбарда среди ночи подняли! А они тоже упираются, следствию особо не помогают, двери не открывают...*

Правда, в итоге умение убедить в своей правоте собеседника сослужило криминалистам службу — дверь им открыли, и они смогли изъять золото.

— *Спросите у наших коллег, в какой отдел они бы хотели попасть. Все скажут: в криминалисты. Он «живой». Мы работаем и с преступлениями, и с жуликами, и с экспертизами, и с кримтехникой. У нас есть и цианакрилатные камеры, и металлоискатели. Всем этим мы должны владеть. Всё это мы применяем. Мы понимаем уровень, это чувствуется в работе. Нам и позволено больше, чем обычным следователям. Но нет ощущения, что «мы — власть», «мы — закон». Какая власть? Власть, что у тебя есть право махнуть рукой, и СОБР по твоему движению выбьет практически любую дверь и штурмом возьмёт помещение? Прежде чем ломать дверь, ты должен понимать процессуально: законны твои действия или нет. Ломать всё подряд — это глупо,* — иронизируют мужчины.

Огромное значение в работе следователя-криминалиста имеет опыт. Николай Паршаков на службе уже 17 лет. Илья Лесовский — 20. За эти долгие годы многие лица жуликов, которых они посадили за решётку, стёрлись из памяти. На вопрос, не страшатся ли эксперты

последствий своей работы — мести осуждённых — мужчины уверенно отвечают: «Нет».

— Да, многие кричат, что «Я выйду, мы встретимся!» И я даже действительно встречался с некоторыми.

— **И что было?**

— А ничего не было! Глупости это всё. Они в своей среде смелые, а когда вновь оказываются в нормальной жизни, запал пропадает, — рассуждает **Илья Лесовский**.

Мнение коллеги подтверждает и старший эксперт омского отдела сибирского филиала ФКГУ «Судебно-экспертный центр следственного комитета России» Денис Дмитриев.

— Зачастую преступник на самом деле озлоблен на себя. Поначалу он выплёскивает агрессию на представителя закона, но со временем, пребывая в местах изоляции, он начинает понимать причинно-следственную связь: что находится он в колонии не из-за следователя, а из-за самого себя. Кроме того, это психологический факт: многим преступникам нравится идея преследования и примеривание на себя разных ролей, не только охотника, когда они нападают на кого-то, но и потенциальной жертвы, когда следователь охотится за ними. Это психологическая игра. Они начинают думать, что умнее следователей, находятся на шаг впереди, а когда их ловят, естественно, реакцией после разочарования становится злость. Изначально — на следователя, криминалиста. А по факту — на самого себя. Когда они это понимают, желание отомстить следователю пропадает, потому что такая агрессия ситуативна. Помимо этого, в пенитенциарной системе с ними работают психологи, и у многих всё же происходит переоценка ценностей. Они понимают, что если продолжат заниматься такой деятельностью и нападут на сотрудника после выхода из колонии, то снова попадут сюда. Поэтому в итоге подавляющее большинство отказывается от идеи мести. Только пугают, — поясняет эксперт.

По выслуге лет следователи-криминалисты зачастую далеко не сразу уходят на пенсию, а остаются на своих рабочих местах. Говорят, крайне сложно перенастроиться — перестать реагировать на преступления и стремиться попасть в эпицентр событий. Удовольствие от работы получают даже в личной жизни, разгадывая сюжеты детективных триллеров в течение первых 30 минут и критикуя истории за излишний пафос, неправдоподобие и фанатизм.

— Мы варимся в этом десятилетиями. Либо останемся, либо в охранники уйдём: будем преследовать жуликов среди стеллажей продуктовых магазинов, — шутят следователи.

15 Января 2021

Адрес страницы: <https://omsk.sledcom.ru/folder/876740/item/1622409>